

Евгений Деменок

**ПО СЛЕДАМ «ЗЕЛЁНОГО ФУРГОНА».
СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА
КОЗАЧИНСКОГО**

«В их речи звучал тот неистребимый южный акцент, который позволяет безошибочно узнавать бывшего одессита в толпе ленинградцев и москвичей».

Когда в 1916 году Исаак Бабель опубликовал своё эссе «Одесса» (вряд ли тогда употребляли это слово, но по сегодняшним критериям это именно эссе), в котором написал о том, что «литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придёт оттуда – из солнечных степей, обтекаемых морем», он и не догадывался, что это произойдёт так скоро. И мессия будет не один. Их будет несколько. Целая группа.

В 1933 году Виктор Шкловский назовёт их «Юго-Западом» - эту литературную школу, литературную группу, возникшую в Одессе. В своей статье, вышедшей в «Литературной газете», Виктор Шкловский сослался на сборник одного из поэтических лидеров школы, Эдуарда Багрицкого. Сборник с названием «Юго-Запад» вышел в 1928 году. К тому времени Багрицкий уже жил в Москве и был широко известен всей стране, как и другие «мессии» - Валентин Катаев, его младший брат Евгений Петров, друг Илья Ильф, близкий друг Юрий Олеша. К «Юго-Западу» Виктор Шкловский относил и Льва Славина, автора знаменитой пьесы «Интервенция», и самого Исаака Бабеля, который стал пророком в своём отечестве. А ведь были ещё Семён Кирсанов и Семён Гехт, Вера Инбер и Зинаида Шишова... Впечатляющая концентрация талантов из «солнечных степей», не правда ли?

Не менее удивительно то, что все они вдруг, внезапно, одновременно стали кумирами читателей. Ворвались в литературную жизнь огромной страны. И произошло

это в течение всего-навсего трёх лет. Трёх лет – с 1924 по 1927, - было достаточно, чтобы все заговорили об одесситах в литературе как о явлении удивительном, но бесспорном. «Чтобы стать литератором, надо родиться в Одессе», - в то время эта фраза стала расхожей.

«Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором», - переиначил её позже Юрий Олеша. Порой достаточно просто вырасти в Одессе, как это случилось у самого Юрия Карловича. Пропитаться её воздухом, впитать в себя её атмосферу. По словам Шкловского – средиземноморскую, левантийскую.

«Я детство и юность провёл в Одессе. Этот город сделан иностранцами. Ришелье, де Волан, Ланжерон, Маразли, Диалегмено, Рапи, Рено, Бонифаци - вот имена, которые окружали меня в Одессе - на углах улиц, на вывесках, памятниках и оградах. <...> Образ Одессы, запечатлённый в моей памяти, - это затенённая акациями улица, где в движущейся тени идут полукругом по витрине маленькие иностранные буквы. В Одессе я научился считать себя близким к Западу».

Эти слова Олеша как нельзя лучше отражают внутреннее мироощущение одессита. Сохранившееся, кстати, до сих пор.

А вот ещё, из «Книги прощания»:

«Одесса представляется мне чем-то вроде вымышленного города Зурбагана, честь открытия которого принадлежит писателю А. Грину.

Вся мечтательность моя была устремлена к Западу.

России я не знал, не видел. Одессу сделали иностранцы.

<...> Мир был до войны чрезвычайно велик и доступен. Я не сомневался, что путешествия будут легчайшим делом моей жизни.

Одесса — была уже в путешествии.

Как бы оторванная от материка, она находилась уже во власти моря и матросов».

По мнению Шкловского, корни одесской литературной школы следовало искать в западной, левантинской, средиземноморской культуре. Авторов-одесситов он сравнил с александрийцами, грекоязычными поэтами египетской Александрии.

Может быть, в этом причина? В этом корень самобытности, необычности, оригинальности?

Ну, а где может лучше всего реализовать себя талантливый и оригинальный провинциал? Конечно же, в столице.

Попробовав себя в первой украинской столице, Харькове, Валентин Катаев и Юрий Олеша перебрались в конце концов в Москву. И постепенно перетащили к себе остальных.

В Одессе очагом литературной «тусовки» в начале 1920-х была газета «Моряк». Удивительным образом получилось так, что и в Москве почти все одесские литераторы снова встретились в редакции газеты – теперь это был «Гудок». В той самой редакции, где работали Паустовский, Зощенко и Булгаков. Из одесситов в «Гудке» работали Валентин Катаев и Юрий Олеша, Илья Ильф и Евгений Петров, Лев Славин и Семён Гехт. Хотя после «Времени больших ожиданий» и Паустовского можно вполне считать одесситом.

Вместе с ними – Александр Козачинский.

Существует легенда, что автора знаменитого «Зелёного фургона» пригласил в Москву Евгений Петров. Что дружили они с детства, играли в одной футбольной команде, а потом дороги их разошлись – младший брат Валентина Катаева пошёл работать в уголовный розыск и в один непростой день поймал своего друга Александра Козачинского, ставшего к тому времени налётчиком и конокрадом. Петров сделал всё, чтобы помочь Козачинскому досрочно освободиться, а затем, уже в Москве, «сделал» из него писателя.

На самом деле всё было гораздо сложнее.

В биографии автора «Зелёного фургона» вплоть до недавнего времени было множество не только белых пятен, но и ошибок, и откровенного вымысла. Это немудрено – многие, очень многие в послереволюционные годы из соображений элементарной безопасности «правили», сознательно изменяли свою биографию. У Александра Козачинского было достаточно поводов для того, чтобы сделать то же

самое. Как минимум, два – его отец служил в полиции, а сам он, уже после революции, из милиционера превратился в преступника.

Благодаря исследованиям одесского краеведа Натальи Панасенко и одесского коллекционера Михаила Пойзнера мы знаем теперь правдивые факты биографии «Красавчика». Да-да, именно в образе Красавчика изобразил сам себя Александр Козачинский. Но не только его – как ни парадоксально, в образе Володи Патрикеева тоже множество черт настоящего Козачинского.

Но об этом – позже.

Итак, Александр Владимирович Козачинский родился в Москве 16 июля 1903 года (по старому стилю) в семье дворянина Владимира Михайловича Козачинского и одесситки Клары Иосево-Мордковой Шульзингер, которая для того, чтобы венчаться, приняла в 22-летнем возрасте православие, и в метрической книге Свято-Николаевской (Ботанической) церкви записана уже как Клавдия Константиновна. Это произошло 10 октября 1901 года в Одессе, а спустя почти два года, 23 июля 1903-го, уже в Московской Благовещенской в Петровском саду церкви был крещён новорожденный Александр Козачинский.

Отец писателя, Владимир Михайлович, в метрической книге записан как сын титулярного советника; когда в 1906 году он обратился к властям за разрешением на издание газеты, которая так и не увидела свет, он указал себя как прапорщика запаса флота. Сам Александр в своих показаниях, хранящихся в Государственном архиве Одесской области среди документов уголовного дела по обвинению Орлова, Козачинского, Бургарта, Шмальца и других в бандитизме (эти материалы являются сегодня одним из основных источников информации о писателе) указывал: «Отец мой, личный дворянин Владимир Михайлович Козачинский был на частных службах до 1908 или 1909 года, после чего, ввиду несчастной семейной жизни, уехал в Сибирь, откуда не подавал известий до 1917 года».

На самом деле это было одной из выдумок, причём выдумок легко объяснимых. Владимир Михайлович, человек непутёвый и не очень удачливый, служил околоточным надзирателем Одесской Городской полиции и определён был в ноябре 1910 году для несения службы сначала в Дальницкий, а затем в Александровский участок. Правда, служба продлилась недолго, уже 16 сентября 1911 года он был уволен

со службы - согласно прошению, по «домашним обстоятельствам», – однако и этого было достаточно для того, чтобы скрывать сей факт от новых революционных властей. До поступления на службу в полицию Владимир Михайлович работал у собственного тестя – в газете «Новое обозрение», которой заведовал Марк Цалевич Шульзингер, он был арендатором отдела объявлений. В этой же газете работала кассиром уже после отъезда мужа мать Александра Козачинского. «Несчастную семейную жизнь» Александр Козачинский объяснял тем, что отец его был алкоголиком. Последнее письмо от отца писатель получил в 1917 году – из него следовало, что отец находится на фронте, в чине офицера. «После этого семья наша никаких известий от него не получала, что заставляет предполагать, что он убит», - объяснял Козачинский.

Однако вернёмся назад. Семья Козачинских переехала в Одессу не позже декабря 1904 года – маленькому Саше не было тогда и двух лет. Уже 4 января 1905 года в Сретенской церкви был крещён младший брат Александра, Леонид, родившийся 20 декабря 1904 года.

В 1911 году Александр поступил в приготовительный класс 3-й мужской гимназии, располагавшейся на Успенской, 1. С 1922 года там расположилась школа милиции, сейчас – Одесский государственный университет внутренних дел. Помните фрагмент из «Зелёного фургона», когда недавний гимназист Володя Патрикеев пытался незнанным пройти из дома на Балковскую улицу? Вот он:

«Подняв узкий бархатный воротничок пальто и тщётно стараясь спрятать в нём свое лицо, Володя вышел на улицу. Чтобы попасть на Балковскую, ему нужно было пройти через весь город.

Володя опасался встреч со знакомыми. Его девизом было: агент знает и видит всё, но никто не знает и не видит агента. Особенно опасен был район гимназии, где он ещё недавно учился. Этот район буквально кишел знакомыми. Мужская гимназия помещалась в конце Успенской улицы; её можно было обойти, но тогда Володе пришлось бы приблизиться к женской гимназии Бален-де-Балю, что на Канатной улице. Район женской гимназии был для Володи не менее опасен.

Володя решил проскользнуть меж двух гимназий, пройдя по Маразлиевской улице».

Александр Козачинский проучился в гимназии восемь лет. В 1919 году его мать потеряла работу, и юноше пришлось поступить на службу караульным при обозной мастерской Воензага. И, хотя проработал он там немногим более полугода, учёбу в гимназии пришлось оставить – совмещать её с дежурствами было тяжело.

Весной 1920-го Александр поступил рабочим склада в Споживсоюз, и мать писала, что «служба на складе Споживсоюза рабочим, он блестяще выдержал экзамен в политехникум, но из-за недостатка средств вынужден был бросить учёбу». Жила семья в то время в доме номер 1 по улице Базарной – именно сюда поселил впоследствии Козачинский одного из героев своей повести, Виктора Прокофьевича Шестакова. Дом сохранился до сих пор – сейчас он значится по улице Белинского, номер 4.

Ну, а дальше начинается самое интересное. Александр Козачинский поступает на службу в милицию.

Выбор этот был обусловлен многими причинами, и одной из важнейших было то, что в милиции работал его отчим, М.Г. Красников. Причём работал не кем-нибудь, а помощником начальника 1-го района Севериновской милиции. Клавдия Константиновна, повторно выйдя замуж, изменила фамилию с Козачинской на Красникову, но факт родства будущего писателя с Красниковым во время следствия над сыном тщательно скрывали – до такой степени, что мать называла его своим крестником. Все эти подробности выяснились лишь на суде. Ну что ж, и эту выдумку можно понять – совместная служба родственников была запрещена.

«Он попал в уголовный розыск по знакомству»...

Севериновская милиция. Севериновка... Удивительное место с удивительным названием. Бывшее родовое поместье графа Северина Осиповича Потоцкого, того самого Потоцкого, который однажды в Кишинёве поссорился с Пушкиным – да так, что дело чуть не дошло до дуэли. Спор касался... крепостного права, и произошло всё в 1822 году за ужином у наместника Бессарабии, генерала Ивана Никитича Инзова, того самого Инзова, благодаря содействию которого Александр Сергеевич вступил в Кишинёвскую масонскую ложу «Овидий». До дуэли тогда не дошло – Северин Потоцкий уступил, а потом быстро с Пушкиным сдружился. Уже в ноябре 1823 года друзья поэта обращались к графу по поводу семейных преданий относительно

похищения одной из представительниц рода Потоцких, Марии, татарским ханом – предание это нашло потом отражение в поэме «Бахчисарайский фонтан».

Северин Потоцкий был воистину легендарной личностью. Сенатор, действительный статский советник, он стал одним из основателей и первым попечителем Харьковского университета. Его родной брат, Ян Потоцкий, также приезжал в Одессу – ходят легенды о том, что именно в Одессе писал он свою знаменитую «Рукопись, найденную в Сарагосе».

Расположенная в сорока с небольшим километрах от Одессы, в устье реки Большой Куяльник, на бывшем Балтском тракте, соединявшем Одессу с Киевом, Севериновка была построена на земле, выделенной графу Потоцкому после окончания Русско-турецкой войны 1787-1791 годов. Поначалу граф назвал село Потоцким – в свою честь, но вскоре, в 1806 году, село приобрело статус местечка и стало называться Севериновкой. В 1820-е годы, когда граф Потоцкий окончательно перебрался в своё имение, он возвёл себе дворец на склоне горы, которую назвали впоследствии Божьей. Благодаря своему удачному расположению местечко быстро разрасталось – к середине XIX века в нём было девять постоянных дворов, велась активная торговля зерном, мукой, овощами и фруктами. На центральной площади, что под усадьбой Потоцкого, расположился базар, работавший пять дней в неделю. Вокруг него были построены храмы всех конфессий - Северин Потоцкий возвёл Иоанно-Богословский православный храм и греко-католический костел Святого Северина, в местечке были синагога и, по преданиям, даже мечеть. Население Севериновки к концу позапрошлого века составляло более полутора тысяч человек, среди них были представители множества национальностей – украинцы, русские, немцы, болгары, евреи, молдаване, румыны. Типичная для Одесщины ситуация. От всего этого великолепия сохранились до наших дней лишь православная церковь да руины костела, а живут сейчас в Севериновке всего-навсего 600 человек. На месте синагоги сейчас пустырь, а место, где располагалась мечеть, не могут вспомнить даже местные старожилы.

И вот именно сюда, в Севериновку, сохранявшую тогда ещё следы прежней роскоши, приехал в августе 1920 года Александр Козачинский. Вот как сам он описал тогдашнее местечко в «Зелёном фургоне»:

«Летом 1920 года население местечка Севериновки, Одесского уезда, с нетерпением ожидало нового начальника районного уголовного розыска. Севериновка

в те годы была пыльным торговым местечком, с домами из жёлтого известняка и глины, с базарной площадью и рядами крытых рундуков на ней, с разрушенной экономией графа Потоцкого, церковью, киркой и синагогой. Процент самогонщиков и спекулянтов среди жителей местечка в те времена был настолько велик, что уголовный розыск являлся наиболее посещаемым и влиятельным учреждением в Севериновке. Естественно, что личность нового начальника интересовала всех.

К тому же откуда-то пошёл слух, что уезд, обеспокоенный отчаянной репутацией местечка и бытовым разложением прежних начальников угрозыска, которых пришлось убирать из Севериновки одного за другим, решил наконец поставить на колени непокорных севериновцев и с этой целью посылает к ним из соседнего района работника особо подготовленного, человека твёрдого и даже беспощадного.

Ещё никому из прежних начальников не удавалось надолго задержаться в Севериновке, а последний вынужден был исчезнуть, не успев даже справиться себе жёлтых сапог на высоком каблуке и белой козловой подклейке, с носком "бульдог", подколенными ремешками и маленьким раструбом вверху голенища. Ни в Яновке, ни в Петроверовке, ни в Кодыме, ни в самой Балте таких сапог шить не умели. Севериновцами было замечено, что этот фасон притягивает к себе начальников с такой же непреодолимой силой, с какой сказочного короля притягивала рубашка счастливого человека. И севериновцы умело использовали магическую силу желтых сапог. Как только в уезде узнавали, что очередной начальник не смог противостоять губительной страсти и принял в дар жёлтые сапоги, его вызывали в Одессу, выгоняли из розыска и отдавали под суд за взяточничество».

Благодаря исследованиям Натальи Панасенко мы знаем, что 25 августа 1920 года Александр Козачинский написал заявление с просьбой зачислить его на службу в канцелярию милиции 1-го района Одесского уезда, находившуюся в Севериновке; в этот же день им была заполнена регистрационная карточка и подписано обязательство: «...я, нижеподписавшийся сын трудового народа Александр Козачинский, гражданин г. Одессы, 17 лет <...> даю подписку, что буду стоять на страже революционного порядка <...> прослужить не менее 6 мес...». Именно семнадцать лет было главному герою «Зелёного фургона» Володе Патрикееву, именно 25-м августа 1920 года датирована надпись на его наградных часах...

Через несколько дней, 1 сентября, Александр Козачинский был зачислен конторщиком в канцелярию милиции Севериновского района. «Но вскоре, питая отвращение к канцелярской работе, перешёл на должность агента 3 разряда угрозыска», – так позже написал он сам. В приказе от 11 октября он уже назван младшим милиционером, а через четыре дня он командировается в Одессу вместе с т. Шестаковым... Литературному Шестакову Козачинский придал позже черты реального Красникова. Кстати, фамилия «Грищенко» также встречается в книге приказов по Севериновской милиции.

Агентом угрозыска Козачинский был полтора года и по службе продвигался быстро. «В уезде от него ожидали многого», - это он писал о себе. Семнадцатилетнего юношу переводят из волости в волость.

«Проснувшись, Володя, по старой привычке, нежился минут пятнадцать в постели, хотя и сознавал, что каждая минута промедления может оказаться губительной для дела.

Эти пятнадцать минут были наполнены приятными размышлениями. Володя вспомнил, что отвечает за пять волостей, и эта мысль доставила ему удовольствие. Он повторил про себя названия своих волостей: Севериновская, Бельчанская, Фестеровская, Куртовская, Буялыкская. Он представил себе их очертания на географической карте. Фестеровская волость была похожа на маленькую Италию, а весь район - на распластанную телячью кожу. Володя вспомнил улицы, площади, рощи и баштаны знакомых сёл, помечтал о неизвестных землях и неисследованных хуторах на окраине района, где он ещё не успел побывать», - писал Козачинский через восемнадцать лет.

И действительно, уже 14 декабря 1920 года Александр Козачинский был зачислен сотрудником 3-го разряда следственно-розыскного отделения в Бельчанскую волость, а уже 26 января 1921 года он назначается в Севериновку помощником начальника уголовного розыска с переводом во 2-й разряд, при этом, в соответствии с приказом по 3-му району, является временно исполняющим должность начальника угрозыска; 16-го марта его переводят в 1-й разряд, и с этого же числа он командировается по 10 апреля «для пользы службы» в 5-й район с центром в селе Блюменфельд. Как и Володя Патрикеев, он расследует самые разные преступления: от самогонварения до убийств; была среди них и кража двух лошадей с фургоном, окрашенным в зелёный

цвет. Но главным для него стало дело Бельчанского Волисполкома, над которым он неустанно работал несколько недель и которое стало началом цепочки роковых событий, приведших его к участию в банде, и, в конце концов, к аресту и суду. Уже в те, революционные, годы власть предрешающая не любила обвинений в свой адрес и включала все рычаги для того, чтобы не просто отвести от себя обвинения, но и очернить следователя. А если учесть, что в те годы в стране действительно творилось чёрт знает что... В общем, юный Александр, движимый то ли революционной сознательностью, то ли, скорее всего, элементарной честностью, умноженной на страсть к расследованиям и увлечённость произведениями Конан-Дойля, арестовал «члена Бельчанского Волисполкома т. Шевченко и зав. распред. скота т. Заболотного по обвинению их в хищениях, кражах, мошенничествах и вымогательствах». Всего по делу проходило десять обвиняемых, среди которых было восемь членов партии. Их связи оказались сильнее собранных юношей свидетелей, и в результате 30 июля Козачинский оказывается под арестом, а затем, 21 августа, его переводят в село Страсбург Мангеймского района – подальше от Бельчанска. В этом районе к тому времени уже служил Евгений Катаев – возможно, там они и познакомились.

Пусть читателя не удивляет обилие немецких названий – в те годы под Одессой было множество немецких колоний и поселений. Да и фамилии будущих поделщиков Козачинского по «преступному цеху» - почти сплошь немецкие. Именно немецкие колонии восстали первыми в 1919 году против продрозвёрстки и насильственной мобилизации; это же повторилось спустя год. Неудивительно – в каждой из колоний были хорошо вооружённые и обученные отряды самообороны, которые ещё в 1918-м получили оружие от австрийских войск и были обучены австрийскими инструкторами.

Времена те давно позади, а село Страсбург нынче именуется Кучурганями.

Долго прослужить в Мангеймском районе Козачинскому не удалось – в октябре его настигает месть членов партии, и его увольняют «в виду ареста Политбюро ОГЧК» и обвиняют в дискредитации власти. «Я надеялся получить благодарность, – писал Козачинский, – я считал, что оказал громадную услугу; и после бессонных ночей, после недель непрерывного труда – меня унизили, оскорбили. <...> Суд надо мной был жестокий и несправедливый: мне дали 3 года концлагерей без лишения свободы». Практика наказания в концлагерях начала отрабатываться советской властью уже тогда, но, к счастью, советский концлагерь 20-х годов был мало похож на лагеря 30-х –

определение срока без лишения свободы означало, что осужденный являлся на работу к 10 утра, а по воскресеньям приходил к часу дня для регистрации. Злая насмешка пришедших к власти «слуг народа» - с осени 1921 года концлагерь находился в здании бывшего приюта Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся, построенного стараниями Одесского градоначальника, полковника, графа Павла Павловича Шувалова и названного в его честь. Находился приют в районе сегодняшней 1-й станции Люстдорфской дороги.

И, хотя Александр Козачинский вскоре попал под амнистию, осуждение стало для него тяжелейшей моральной травмой. Однако нужно было выживать. И он снова идёт на работу в милицию.

Наталья Панасенко, исследовавшая десятки томов материалов о деятельности угрозыска того времени, находящихся в Государственном архиве Одесской области, пишет, что «в анкетах, в графе “что побудило поступить в милицию”, чаще всего встречаются ответы: безработица, голод, без средств, отсутствие службы. Один написал: “Болной был”». А вот цитата из самого Козачинского: «...у советской власти совершенно не было специалистов по уголовному розыску. Специалисты были лишь из старого сысского отделения, но их не только нельзя было привлекать к работе, но, наоборот, полагалось разыскивать и сажать. <...> больше всего в уездном уголовном розыске оказалось присяжных поверенных; на втором месте были гимназисты, затем шли педагоги, зубные врачи и прочие лица, отбившиеся от своих профессий, лица совсем без определённых занятий и, наконец, просто лица, искавшие случая поехать в деревню за продуктами. Среди них затерялась кучка пожилых рязанских милиционеров...». Именно из Рязани приехал в Одессу отчим писателя, Михаил Гаврилович Красников, ставший прототипом Виктора Прокофьевича Шестакова. Козачинский даже поселил Шестакова в тот самый дом на улице Базарной, 1, где жили в Одессе его мать, отчим и он сам.

1 января 1922 года Александр Козачинский был зачислен агентом 1-го разряда в 1-й район Балтского уезда, местечко Крутые. Местечко было маленьким прототипом Севериновки, если говорить о национальном составе – тут жили украинцы, русские, молдаване, евреи, немцы, поляки. Типичный одесский «расклад». Служба не задалась с самого начала. Начальником милиции, «царьком, поработившим подчинённых и население» - именно так писал о нём Козачинский, - был бывший извозчик Ипатов,

пьяница и сумасброд. ««Страшно грубый и хитрый, – он подавил меня совершенно», - писал о нём Козачинский. Начмил немедленно втянул его в свою незаконную деятельность, и очень скоро Козачинский понял, что нужно бежать. Докладывать «наверх» было бесполезно – он уже имел горький опыт борьбы с системой.

Его сослуживец и товарищ Георгий Феч предложил бросить службу и поехать к нему домой, в Марьяновку Розальевской волости, которая находилась в Тираспольском уезде, входившем тогда в Одесскую губернию. Однако в увольнении им отказали, и они решили дезертировать. Уезжая, в отместку прихватили принадлежавшие Ипатову зерно, муку и несколько ряден, находившихся у них во временном пользовании. И вроде на новом месте всё пошло хорошо, им обещал помочь секретарь волпарткома – но вскоре Козачинский и Феч были арестованы членом волисполкома Карповым. Выяснилось, что они дезертиры, зерно и мука украдены... Через несколько дней их отправили в Тираспольскую уездную ЧК, забрав предварительно зерно и муку – они были нужны самим членам волисполкома и милиционерам, проводившим дознание. В Тирасполе без «вещественных доказательств» они никому не были интересны, и их вернули назад. Вот фрагмент из показаний Козачинского: «За время моего отсутствия Феч успел войти в соглашение с волостными властями; они, разделив между собой взятое у нас, освободили его. Стармил Яроцкий за моё освобождение требовал у меня шинель, но я, не желая давать её, дал понять Яроцкому, что, если меня отправят в Тирасполь, то я их всех выдам; после чего документы мне были возвращены, а дело уничтожено».

Освободившись, Козачинский вновь оказался на перепутье – Феч не хотел держать его у себя, балтская милиция по-прежнему его разыскивала, ночевать в степи в марте было немыслимо. «Надеясь продержаться несколько дней», он решил отправиться в уже знакомое нам село Страсбург, где жил его знакомый Антон Шумахер. Через несколько дней Шумахер предложил товарищу свести его с людьми, которые могут многое.

У Козачинского не было выбора. Ему нужно было выживать в условиях революции, войны, смены властей, когда спасали только хитрость и сила.

Людьми, с которыми его свёл Шумахер, оказались бандиты Иосиф Бургарт и Михаил Шмальц. Собственно, бандитами они стали во многом вынужденно, но факт остаётся фактом. У будущего «Красавчика», конечно, был выбор – пойти под суд,

умереть от голода и лишений либо стать членом банды. Третий вариант казался в то время самым привлекательным - не только для Козачинского. Это понимали все – недаром, когда он после задержания оказался среди бывших сослуживцев, они отнеслись к нему не как к преступнику, а как к человеку, попавшему в безвыходную ситуацию, в беду.

Немцы-крестьяне Бургарт и Шмальц стали преступниками в силу рокового стечения обстоятельств. Началось всё с того, что в родном селе их терроризировали и грабили односельчане Яшин и Пасевич. По приказу Пасевича, ложно обвинившего Бургарта в убийстве жены, был убит брат Бургарта. Кончилось всё тем, что Бургарт и Шмальц убили Яшина и Пасевича, после чего им пришлось скрываться и пытаться зарабатывать незаконно. Они занялись мешочничеством, но их ограбила мнимая реквизиционная команда – весело было тогда на Одесщине. В отместку они убили председателя команды Слюсаренко.

В такую вот компанию и попал восемнадцатилетний Александр Козачинский. У главарей банды был к нему свой интерес – через него они хотели устроиться на службу. Сначала все они намеревались собрать денег на поездку в Киевскую губернию, где у Козачинского были родственники. Однако поездка так и не состоялась.

Тогда и начались налёты и грабежи, зачастую – странные и даже забавные. Первым «делом» бандита Козачинского была кража гусей. К тому времени он уже 8 дней жил на хуторе, куда привезли его Бургарт и Шмальц. «Была пасха, а еды не было, и мы питались просом. <...> Я со Шмальцем украли штук 12 гусей и индюшек из курятника Зиновия Муяки», - писал позже Козачинский в своих показаниях по уголовному делу. А вот как он описал это в «Зелёном фургоне»: «Однажды Володя возвращался с Поташенкова хутора, куда его вызывали по пустяковому делу о краже кур и гусей. <...> Картина деревенского преступления, как всегда, оказалась скудной и невыразительной. <...> Опустошенный сарайчик <...> сломанная дверка, да несколько перьев, выпавших из петушиного хвоста...».

А вот, например, как проходил налёт на агронома, о котором пишет Наталья Панасенко. Постучав к агроному ночью, бандиты представились проходящей частью 51-й дивизии, якобы нуждающейся в ночлеге. Козачинский в своих показаниях писал: «Долго отпирался бедный агроном, но, наконец, впустил. Мне стыдно было сказать, что

на него налёт, хотя я и взялся за это; часа 2 мы были у него в доме и не приступали к “работе”. Наконец-то мы “расшифровались”».

Другой эпизод из жизни храбрых бандитов (из показаний А. Маркевича): «Они хотели зайти в комнату больного помощника, но его жена не открыла дверей и они, выругавшись, ушли».

Вот ещё фрагмент из показаний Козачинского. «Был произведен налёт на страбургскую мельницу, окончившийся неудачно. Сторож поднял крик, и мы сочли наиболее выгодным для нас оставить поле битвы за противником».

Или вот – о попытке ограбления ветлазарета: «Проезжая мимо дома Келлера Валентина, мы разбудили сына его, Якова, которому предложили ехать с нами; тот отказался, говоря, что лошадь и седло заперты, а ключи у отца».

Такие вот бандиты. Интересный факт - незадолго до ареста Козачинский получил записку от Шмальца, в которой тот написал, что они с Бургартом «едут в Одессу для того, чтобы поступить на какой-нибудь завод». Поступить на завод не получилось – их арестовали. Шмальц, которого Евгений Катаев (тогда ещё Катаев) «уже отчаялся поймать», сдался добровольно и пояснил: «Я не мог продолжать скрываться, так как жить скрываясь очень тяжело. Заниматься мирным трудом нельзя, а заниматься грабежами и кражами я больше не мог и не хотел».

Фатальным для подельников стало знакомство весной 1922-го с заведующим ветеринарным лазаретом 51-й дивизии К. Орловым, человеком с невыясненным прошлым, который выдавал себя за бывшего князя и генерала и с энтузиазмом рассказывал о грандиозном контрреволюционном заговоре, в который он собирался вовлечь Козачинского, Бургарта и Шмальца. Козачинский, чьи политические взгляды и убеждения заключались в отсутствии таковых, был, в отличие от старших «товарищей», польщён вниманием взрослого и серьёзного человека. Тем более тот рассказывал о личном знакомстве с Врангелем и рисовал юноше романтические картины о транспортах с оружием из Америки, тесных связях с заграницей и широкой разветвлённой сети преданных борцов, готовых вступить в бой с новой властью. Для юноши, мечтавшем о карьере Шерлока Холмса или, в крайнем случае, Пинкертон это, несомненно, было отдушиной, позволявшей ненадолго забыть о жестокой реальности.

Однако же бывший князь и генерал не спешил с реализацией грандиозных планов. Куда больше его интересовали продажа казённого овса и лошадей и выдача фальшивых справок дезертирам. Для чего ему понадобились Бургарт, Шмальц и Козачинский, до конца не ясно – скорее всего, хотелось с их помощью воровать по-крупному.

Первой и единственной совместной «операцией», которая в итоге привела к краху, стал налёт на ветеринарный лазарет. Орлов организовал его из мести, когда его наконец уволили за махинации. Во время налёта похитили пять лошадей. Возможно, всё бы обошлось, но Орлов решил оставить на месте преступления издевательское письмо, которое потом стало ключевым доказательством для обвинения налётчиков в антигосударственной, антисоветской деятельности.

Вот этот акт, найденный Натальей Панасенко:

«Акт.

Года не было, месяц в небе, день той же, що й у вас, поцілуйте в сраку нас. Було ні те, ні се, а чорт знає що. Мы, комиссия по разгрому частей 51 дивизии постановили: изъять лучших лошадей из лазарета означенной дивизии, о чем составить акт для РКИ (редкой коллекции идиотов) и красной сволочи, в чём и подписываемся.

Предкомиссии Подгоняйлов.

Члены Коний Хвіст.

Секретарь Подмахайлов».

Александру Козачинскому не повезло – именно он написал эти смешные хулиганские строки под диктовку, и почерк его узнал бывший сослуживец по Севериновке.

Конечно, слова «красная сволочь» не могли остаться незамеченными. На поиск бандитов были направлены все силы.

«Сдал» Козачинского его же «старший товарищ», «организатор контрреволюционного заговора» Орлов. Момент задержания Александра Козачинского послужил ему потом материалом для описания знаменитой сцены задержания Червня.

Для его поимки была устроена засада – ради этого Орлова выпустили из-под стражи, ведь именно на его квартире на хуторе Диково гостевали Козачинский с матерью. В день, когда Козачинский оказался дома, Орлов поставил, как знак, в углу вилы. В «Зелёном фургоне» Федька Бык поставил у стены лопату. «Брали» Козачинского милиционер Домбровский и агент 3 района Одуздугрозыска Дыжевский.

Этот момент – поимка преступника, - кульминация и повести, и от «бандитского» периода жизни Александра Козачинского. Он был тогда на волосок от гибели, от губительного решения стрелять. Сохранился протокол его задержания: «1922 г. сентября 13 дня. Я, агент 3 района Одуздугрозыска Дыжевский, принимая меры к розыску Александра Козачинского, сего числа прибыл вместе с милиционером Домбровским на х. Диково в квартиру ветврача Орлова, где была устроена засада. <...> На наш крик “руки вверх” неизвестный продолжал правую руку держать опущенной, а левую поднял. Тогда, набросившись на неизвестного и схватив его за правую руку, Домбровский вырвал у неизвестного револьвер системы “наган”, в котором оказалось впоследствии три патрона. Курок нагана был взведен.

По задержании неизвестного, последний оказался разыскиваемым Александром Козачинским...».

В повести у Красавчика – не наган, а манлихер, карабин, который Грищенко потерял со страху в пылу перестрелки, и который Красавчик так и не пустил в ход:

«Прошу только, гражданин начальник, - сказал он тем же почтительно-фамильярным тоном,- отметить в протоколе этот манлихер. Дескать, вор-конокрад Красавчик, не имея мокрых дел и не желая их иметь... Продолжая вертеться перед председателем домкома с поднятыми над головой руками, то втягивая, то выпячивая живот, услужливо подставляя ещё необысканные участки тела, он объяснил Володе, почему умный вор не пойдет на мокрое дело.

- Мокрые дела умному вору ни к чему, - говорил он. - За мокрые дела шлёпают.

<...> Много времени спустя Володя задумался над тем, что удержало руку Красавчика, когда он, целясь в него из манлихера, решал вопрос: убить или не убить? Только ли холодный расчет опытного уголовника? ... Лишь много лет спустя Володя узнал, о чем размышлял Красавчик в минуту, решившую судьбу обоих».

Бандитская «карьер» Александра Козачинского на этом закончилась, и он был искренне признателен за то, что его вовремя арестовали. Закончилась, к счастью, благополучно для всех. Хотя на первых порах так не казалось.

Кроме милиции – одним из участников следствия был и Евгений Катаев, - за дело взялась ГПУ. Сначала дознание проводилось совместно, но 9 октября дело пришлось всё же передать, и арестованных перевели на Маразлиевскую, 40, в жуткое здание ЧК-ГПУ-НКВД, где незадолго до этого полгода провёл Валентин Катаев. Вместе с братом был тогда арестован и Евгений Катаев, но отпущен, как несовершеннолетний – для этого ему пришлось уменьшить на год свой настоящий возраст. С тех пор во всех официальных анкетах он указывал 1903 как год своего рождения, что было невозможно – их с братом Валентином мать, Евгения Ивановна, умерла в марте 1903 и никак не могла в конце ноября родить младшего сына. Именно после этого краткого ареста Евгений Катаев пошёл служить в милицию.

Но вернёмся к нашим арестованным. 16 декабря их перевели в ДОПР № 1 (Дом общественных принудительных работ), на Люстдорфскую дорогу, 11. Над входом ДОПРА, как и в повести, было написано: «ДОПР – не тюрьма. Не грусти, входящий».

Завертелся маховик следствия. ГПУ сделало из наших бандитов контрреволюционеров, а суд усилил это в своём решении многократно. Вот выдержка из приговора, которую трудно читать равнодушно:

«...ставили своей задачей борьбу с советской Властью следующими методами: разорение советских хозяйств и учреждений, посредством нападений и ограблений. Уничтожение коммунистов, нападение на слабые воинские части, организация конных отрядов для захвата части территории и посредством закардонной помощи двинуться вглубь советской республики. Завязать связь с закардонной контр-революцией, добыча оружия к той части, которая уже имелась. По этому намеченному плану часть уже проведена в жизнь, как ограбление Вет-Лазарета с оставлением пасквильного акта контр-революционного содержания и ограбление коллектива в Шеметовке, а дальнейшая деятельность была прервана т.к. группа была поймана и арестована благодаря зоркому оку пролетарской власти чем предотвращено новое пролитие пролетарской крови от рук Врагов Советской Власти».

Итак, похищение из ветлазарета пяти лошадей и десяти овец в Шеметовке было признано настолько страшной угрозой для существующей власти, что шестеро из двадцати трёх обвиняемых были приговорены к смертной казни, к расстрелу. В их число попал и Александр Козачинский.

К счастью, в сентябре 1923-го по кассационным жалобам осуждённых расстрельный приговор был Верховным Судом УССР отменён. Дело было возвращено на доследование, и в результате Козачинский получил тюремный срок. Какой именно – мы не знаем, в некоторых публикациях речь шла о десяти годах. Однако уже в 1925 году будущий писатель был досрочно освобождён и переехал в Москву, где устроился на работу в газету «Гудок», в которой к тому времени уже работали Илья Ильф и Евгений Петров.

Какова же роль Евгения Катаева, которого я, пожалуй, с этого момента буду называть Евгением Петровым (именно в 1924 году он взял себе этот псевдоним), в поимке «Красавчика» и в последующем его скором освобождении?

Привычная легенда гласит о том, что Петров с Козачинским были друзьями детства, чуть ли не кровными братьями. Жили на одной улице, в соседних домах, сидели в гимназии за одной партой, вместе играли в футбол. После пути их разошлись – Петров стал милиционером, Козачинский – бандитом. Именно Петров возглавил охоту на «Красавчика», не подозревая, что это его ближайший друг, и в конце концов лично задержал его. Козачинский хотел было застрелить задержавшего его милиционера, но внезапно узнал друга и опустил оружие. Потом Петров писал многочисленные ходатайства с просьбой отпустить или смягчить наказание Козачинскому, и в конце концов добился своего. Сразу после освобождения Козачинского Петров пригласил его в Москву, где они и стали работать в одной газете, а позже настойчиво рекомендовал описать свои приключения в книге.

Ну, а Козачинский в «Зелёном фургоне» вывел его в образе Володи Патрикеева, а себя – в роли Красавчика.

Безусловно, всё было не так. Петров и Козачинский действительно жили всего в нескольких домах друг от друга на Базарной, но в разное время. Петров учился в 5-й гимназии, Козачинский – в 3-й. Так что познакомились они, вероятно, во время службы обоих в милиции, в Мангеймском районе, а, скорее всего – уже во время следствия над

бандой Шмальца. Ну, а в повести и Красавчику, и Володьке Патрикееву Козачинский придал в основном свои же собственные черты.

От Петрова Патрикееву досталось совсем немного – в первую очередь кольт:

«Внешность нового начальника, насколько её можно было рассмотреть под густым слоем степной пыли, подтверждала худшие опасения северинцев. Ему было всего лет восемнадцать, но в те времена людей можно было удивить чем угодно, только не молодостью. Он был угрюм, неразговорчив и мрачен. Принимая дела у Анны Семеновны, он не произнес и десяти слов. Сложная система ремней, цепочек и пряжек поддерживала на его талии крупнокалиберный кольт, висевший обнаженным, и две бомбы-лимонки, которые, ударяясь при ходьбе друг от друга, издавали звук, похожий на чоканье».

При поимке банды Бургарта-Шмальца-Козачинского были изъяты две винтовки, две охотничьих двустволки, три нагана, браунинг и кольт. Этот самый кольт был сразу выдан Евгению Катаеву – во временное пользование, о чём есть расписка Катаева от 6 октября 1922 года в уголовном деле по обвинению Козачинского. Но не только кольт был передан Катаеву во «временное пользование» - ему ещё выдали двух лошадей.

Видимо, кольт был важен для Катаева-Петрова – он упоминает его в своём первом рассказе «Гусь и украденные доски» как ключевой фактор поступления на работу в Угрозыск.

Вот ещё один забавный эпизод в повести, очевидно связанный с Петровым, который в «Двойной автобиографии» указывал, что «первым его литературным произведением был протокол осмотра трупа неизвестного мужчины»:

«Со своей стороны, Грищенко должен был признать превосходство нового начальника, как человека со средним образованием, в тех случаях, когда надо было составлять протоколы и акты осмотра найденных у дорог трупов.

В то беспокойное время трупы у дорог находили часто.

Новый начальник прекрасно составлял эти акты. Вначале он указывал положение трупа относительно стран света. Затем следовало описание позы, в которой смерть застигла жертву, и ран, которые ей были нанесены. Наконец, перечислялись улики и вещественные доказательства, найденные на месте преступления.

Обычно достоверно было известно только положение трупа относительно стран света: лежит он, например, головой к юго-востоку, а ногами к северо-западу или как-нибудь иначе. Но талант нового начальника проявлял себя с наибольшей силой именно там, где ничего не было известно. Несмотря на однообразие обстоятельств и мотивов преступлений - всё это были крестьяне, убитые на дороге из-за пуда муки, кожуха и пары тощих коней, - догадки и предположения, вводимые им в акты, отличались бесконечным разнообразием. В одном и том же акте иногда содержалось несколько версий относительно виновников и мотивов убийства, и каждая из этих версий была разработана настолько блестяще, что следствие заходило в тупик, так как ни одной из них нельзя было отдать предпочтения. В глазах начальства эти акты создали ему репутацию агента необыкновенной проницательности.

<...> Успехи нового начальника в этой области были тем более поразительны, что до приезда в деревню он никогда не видел покойников. В семье его считали юношей чрезмерно впечатлительным и поэтому всегда старались отстранить от похорон. Но что были корректные, расфранченные городские покойники по сравнению с этими степными трупами!».

На этом, пожалуй, совпадения с «легендой» заканчиваются. Задержали Козачинского, как мы уже знаем, Дыжевский и Домбровский, да и никаких ходатайств Петрова в защиту Козачинского в его деле нет. Более того, ещё в 1920 году Председателя ОдГубЧК Станислав Реденс в одном из своих приказов указывал:

«Из Приказа № 3 (1920)

Мною замечено, что сотрудники ОГЧК очень часто ходатайствуют за арестованных. Напоминаю, что такие явления недопустимы и сотрудники, ходатайствующие за каких-либо арестованных, будут мной привлекаться к ответственности».

Так что ходатайствовать за Козачинского было просто опасно.

И всё же Козачинский и Петров за время следствия, несомненно, сблизились, и когда уже над Петровым нависла угроза суда, Козачинский в своих показаниях немного наивно выгораживал его. В том самом определении Верховного Суда УССР от 13 сентября 1923 года, которым высшая мера наказания была для Козачинского и его подельников заменена на тюремное заключение, указывалось, что «...суд должен был

бы привлекать к ответственности свидетеля Катаева по признакам 109 и 112 ст. УК...» (дискредитация власти и принуждение к даче показаний). А началось всё с заявления Орлова о том, что на следствии он давал показания в пьяном виде, и что пьяны были следователи: «Были пьяны и Волохов, и допрашивавший меня Катаев, который свалился пьяный, не дописав протокола, и поручил его дописать кому-то со стороны». Петров оправдывался потом, говоря, что поил подозреваемых, чтобы развязать им языки для дачи показаний.

А вот как Козачинский оправдывал будущего друга и коллегу:

«Время нашего ареста и содержания в Мангейме совпало с громадным сбором урожая винограда во всем районе, благодаря чему район был буквально залит вином. Обыкновенно, в такое время население употребляет молодое вино вместо воды. Поэтому весьма естественно, что, благодаря попустительству мл. милиционеров и всеобщников, дежуривших около арестованных, родственники последних передавали им вино в камеры – в весьма незначительном количестве.

Я лично один раз выпил стакан вина на квартире у гр. Катаева, вне исполнения им служебных обязанностей. Последнее, я допускаю, могло случиться и с другими арестованными; однако я категорически опровергаю возможность спаивания сотрудниками I района допрашиваемых с целью получения от них каких-либо показаний».

Интересно, что тот же Председатель ОдГубЧК ещё 20 марта 1920 года в одном из своих приказов указывал:

«Предупреждаю, что в случае появления сотрудников в нетрезвом виде, таковые будут осуждены без суда на два года принудительных работ». Правда, следующий председатель ЧК Макс Дейч был летом 1921 года обвинён в том, что в его квартиру среди бела дня заносили шампанское и бочку с вином, причём совершенно открыто. Жалоба, однако, осталась без последствий.

Без последствий, к счастью, осталось и дело против Петрова. Осенью 1923 года он был уже в Москве, куда так настойчиво приглашал его старший брат. За участие в разгроме банды он был награждён денежной премией.

Литературная деятельность обоих наших героев началась практически одновременно. Евгений Петров начал писать в Москве фельетоны для «Красного перца» и «Крокодила», Александр Козачинский в Одессе – статьи и очерки в ДОПровские издания «Голос заключённого» и «Жизнь заключённого», став со временем фактическим редактором газеты. Собственно, достаточно прочесть показания Козачинского в рамках уголовного дела (спасибо Наталье Панасенко за находку), чтобы понять, что литературный талант в нём бил ключом:

«...без надежды на будущее, но не имея мужества совершенно отказаться от него, пишу не показания, а искренний рассказ, который, надеюсь, не наскучит читателю, о впечатлении его на последнего я не думаю. Месяцев 5 или 6 тому назад, я, движимый желанием “придбать” себе парочку лошадок, направил стопы своя в с. Бициловку, где стоял Этапный ветеринарный лазарет 51 дивизии, предмет усиленного внимания, заботливости, фаворит наш и источник благополучия. В древности Господь Бог послал бедным евреям манну небесную; для нас, бедных бандитов, он всеобъемлющею своею благодатью создал ветеринарный лазарет».

Слухи о талантливом журналисте распространились довольно быстро. Когда в Одессу приехали именитые московские гости – Михаил Светлов и Михаил Голодный, - Сергей Бондарин вместе с Эдуардом Багрицким специально отправились с ними в ДОПР, чтобы показать Козачинского.

Вот как описал эту встречу в своём очерке «Воспоминания не безмолвны» Сергей Бондарин:

«Однажды Багрицкий всех нас поразил новостью. Стало известно, что в допре (Дом принудительных работ — так называлась тогда тюрьма) содержится в заключении молодой разбойник — такой же, каким был герой одноименной повести Леонида Андреева Сашка Жигулёв. И этот молодой разбойник по имени Сашка тоже рыцарски выступал в защиту бедных, униженных и оскорбленных, грабил богатых, кулаков и награбленное отдавал неимущим, даже якобы спускал под откос поезда. Образ доброжелательного разбойника овладел нашим воображением. А как же это заманчиво, интересно - показать такого разбойника москвичам! Говорили, что он - паренёк из одесского Александровского парка, другие - с Молдаванки, но и те и другие утверждали, что Сашка, кроме всего, сочиняет ещё и стихи и песни.

Нужно сказать, что одесская тюрьма тоже была как бы городской достопримечательностью, вроде приморского бульвара, Привоза или оперного театра.

<...> - Что ж, - в тюрьму так в тюрьму! Хотя теперь и называется это ДОПР, - сказал Светлов, когда мы посвятили его в свой замысел посетить легендарного Сашку Жигулёва. - В тюрьму так в тюрьму! Мы давно это заслужили, мы, оторвавшиеся от масс...

И вот на самом деле мы добились разрешения посетить ДОПР, не так уж было это и трудно - добивались и не того.

<...> Солнце опять хлынуло нам в глаза. Щебетали птицы. Над нами синело небо и оттуда нам улыбнулось облачко. Неподалеку на зелёной травянистой лужайке молодые люди играли в футбол. Начальник оглядел футболистов и вдруг закричал:

- Лучше по левому краю! Саша, прорывайся по левому краю, мотай!.. Вот Саша Казачинский - не хуже Богемского, - обратился он к нам. - С мячом. Форвард... Бей, Саша!

- Гол! Гол! - закричали на лужайке.

- Саша! Молодец! - закричал начальник ДОПРа. - Гол! Иди, Сашка, сюда.

Форвард, только что забивший гол, уже бежал к нам, раздурманенный. Это был мальчик лет шестнадцати с милым светлым чубчиком.

- Здравствуйте! - приветливо воскликнул он. - Видели, как обошёл! Здорово, а?

- Можно было шутовать раньше, - заметил начальник, - с левой ноги. Ты с левой бьёшь?

- Бью, но хуже.

- Нет, всё-таки здорово, - заметил Багрицкий, - здорово, хотя и не с левой ноги. Богемского и я помню.

- А с какой ноги вы встаёте? - спросил форварда Миша Светлов.

Саша Казачинский усмехнулся.

Начальник ДОПРа не считал нужным представлять нас Саше Козачинскому, лучшему форварду ДОПРа, будущему москвичу, писателю, автору превосходной повести «Зелёный фургон».

Почему же ДОПР и ореол романтического разбойника? Как это случилось?

- Занимался чёрт знает чем, вот и случилось, - смущенно отвечал он и зафутболил камешком - совсем так, как позже описал он сцену встречи Красавчика, юного, неуловимого бандита, с гонящимся за ним агентом угрозыска».

Кстати, никаких «футбольных» контактов у Козачинского с Петровым не было. Козачинский действительно играл в футбол, участь в гимназии, а о футбольных успехах Петрова никаких сведений нет – скорее всего, их и не могло быть, ведь Валентин Катаев, писавший в «Разбитой жизни, или Волшебном роге Оберона» о том, что «футболиста из меня не вышло», писал также и о том, что отец категорически отказался покупать ему футбольную форму. Вряд ли отец купил её для младшего сына. Да и сам Петров с Ильфом в фельетоне «Честное сердце болельщика» писали о том, что «одного не умеет болельщик – играть в футбол».

Досрочно освободившись в 1925 году, Александр Козачинский переехал в Москву и поступил на работу в газету «Гудок». Уже в августе в газете публиковались заметки, подписанные его именем. Через некоторое время он устроился и в газету «Экономическая жизнь», став в ней одним из ведущих журналистов. Вместе с собой в Москву писатель взял и престарелую мать. Она будет ухаживать за ним до конца его дней.

Самыми близкими московскими друзьями Александра Козачинского стали, конечно же, бывшие одесситы – Евгений Петров, Илья Ильф, Семён Кирсанов. Козачинский разделял увлечение Ильфа фотографией – они много фотографировали и друг друга. Знаменитый фотопортрет Ильфа, рассматривающего на огромном плакате сапог Сталина, сделан как раз Козачинским. Самые выразительные фотографии Козачинского сделаны Ильфом.

О совместной работе в «Гудке» вспоминали потом многие. Вот что писал Михаил Штих:

«В этот час в комнате четвёртой полосы собирался весь литературный цвет старого "Гудка". Кроме Ильфа, Петрова и Олеси здесь были завсегдатаями Катаев, Булгаков, Эрлих, Славин, Козачинский. И - боже ты мой! – как распалялись страсти и с каким "охватом" - от Марсея Пруста до Зошенко и ещё дальше - дебатировались самые пестрые явления литературы! Никого не смущала скудость обстановки. За нехваткой стульев сидели на столах или подпирали спиной главное стенное украшение "четвёртой полосы" - цветную карту двух полушарий (опираться на "Сопли и вопли" и на их филиалы строго воспрещалось). Впрочем, некоторые предпочитали ходить из угла в угол - так было удобнее жестиковать в пылу спора».

Виктор Ардов в своих воспоминаниях писал о том, что Козачинский сотрудничал с Евгением Петровым в «Красном перце»:

«Я вспоминаю теперь Петрова только секретарём редакции журнала "Красный перец" в 25-м году, где долгое время работал и Валентин Петрович Катаев. В "Красном перце" Петров уже не производил впечатления растерявшегося провинциала. Наоборот, необыкновенно быстро он стал отличным организатором. <...> Евгений Петрович писал тогда весело, с огромной комической фантазией, которая со временем так расцвела в его знаменитых романах. Помню, раз я случайно присутствовал при том, как Евгений Петрович сочинял очередной фельетон, сидя за своим столом секретаря редакции. Сочинял он его не один, соавтором его был, если мне не изменяет память, писатель А. Козачинский - друг и сослуживец Петрова по Одессе и Тирасполю, автор повести "Зелёный фургон", где выведен в качестве персонажа сам Е.П. Петров (тогда работник уголовного розыска). Но соавтор больше смеялся и кивал головой, а придумывал почти всё один Петров. Эта сцена так и стоит у меня перед глазами: молодой, весёлый, черноволосый Петров характерным для него движением правой руки, согнутой в локте, с поставленной ребром кистью и далеко отставленным большим пальцем, в ритм фразам ударяет по столу, говорит и смеется, смеется... А соавтор его, хохоча ещё громче, повторяет:

- Так и пиши!.. Давай так!.. Пиши!..

И Петров записывает придуманное, на минуту сдвигая чёрные брови, резко идущие кверху от переносицы».

Именно Ильф с Петровым всячески уговаривали Козачинского начать заниматься, помимо журналистики, ещё и «настоящим делом» - писательством. В январе 1932 году, за шесть лет до появления на свет «Зелёного фургона», Илья Ильф писал Козачинскому в гагринский санаторий:

«Что делается на узкой полоске земли, называющейся Гаграми? В каком здании помещается санаторий, где Вы прогуливаетесь в голубом халате? Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать а) роман из жизни, б) воспоминания о себе, в) ещё что-нибудь интересное.

Начать можно так: "В тот поздний час, когда в городе тухнут электрические лампы и у всех подъездов прощаются влюблённые, я (или он, например, "Авель Левиафьян") вышел из дому..." И так далее. Уверяю Вас, это не так трудно и во все не противно. Назвать можно так: "Возвращение", или "Похищение", или "Еду ли ночью по улице тёмной". Как Вы ни назовете, все будет хорошо. Итак, пишите. Приедете в Москву, а под мышкой у Вас роман. Очень весело».

А эти слова написал позже сам Козачинский в «Зелёном фургоне»:

«Ничего нет легче, чем убедить человека заняться сочинительством. Как некогда в каждом кроманьонце жил художник, так в каждом современном человеке дремлет писатель. Когда человек начинает скучать, достаточно легкого толчка, чтобы писатель вырвался наружу».

Однако первые рассказы из серии «Из рассказов бывалого лётчика» (среди которых были «Знакомство с Сопвичем», «Пилот и автомат», «Стрела и рыба») Александр Козачинский написал лишь в августе-сентябре 1937 года. Они были опубликованы в 1938 году, в февральском номере журнала «Знамя». Возможно, закрытие в 1937 году «Экономической жизни» послужило толчком для собственно литературных занятий. Ведь журналистская подёнщина занимала всё свободное время. Сам Ильф упоминает об этом в своём январском письме:

«Я живу, как червь. "Золотой телёнок" пока не выходит, и кто знает, выйдет ли вообще. Хочется писать новый роман, но обстоятельства (всё время необходимо кушать) мешают».

Но, скорее всего, Александр Козачинский чувствовал неуклонную поступь болезни и хотел оставить после себя что-то значительное. В апреле 1937-го, в возрасте 39 лет умер от туберкулёза Илья Ильф. Александр Козачинский переживёт его всего на шесть лет и тоже умрёт от туберкулёза в возрасте 39 лет...

В конце того же 1938 года в 14-м выпуске альманаха «Год XXII» была опубликована повесть «Зелёный фургон», которую ждал немедленный успех. Только при жизни автора, с 1938 по 1943 годы, она переиздавалась трижды. Вероятно, автор сам не ожидал такого успеха. В Одесском литературном музее хранятся письма Козачинского к Евгению Петрову, опубликованные Алёной Яворской в пятом выпуске музейного сборника «Дом князя Гагарина», в которых автор делится своими мыслями и сомнениями по поводу повести:

«После беседы с Вале́й (*Валентином Катаевым – прим. автора*) я решил не спешить; вот уже полтора месяца, как я держу у себя рукопись. Написал три главы, которых раньше не было, остальное существенно переработал. Не знаю, как получилось; написано же много, вероятно листа четыре. Теперь я понял, как полезны советы молодым авторам. То, что сказал мне Валя, оказалось необычайно важным для меня. Однако, и сейчас не хочу выпускать рукопись; дам её ещё почитать Лёве Славину и, возможно, дождусь твоего приезда» (12 мая 1938 года).

А вот фрагмент из письма от 15 июня 1938 года:

«Мне очень неловко обращаться к тебе с денежной просьбой, особенно до того, как выяснится судьба “Зелёного фургона”. Однако, К.К. (*мать писателя Клавдия Константинова – прим. автора*) осталась без денег, и у меня нет другого выхода, как обратиться к тебе, хотя я совершенно не представляю себе, из каких источников покрою долг, если “З.Ф.” забракуют. С этим предупреждением я и обращаюсь к тебе с просьбой одолжить К.К. некоторую, удобную для тебя сумму, чтобы она могла перекрутиться до продажи “З.Ф.” и получения под него аванса».

Опасения оказались напрасными. Повесть получила восторженные рецензии – они были так хороши, что автор сам не до конца был уверен в искренности рецензентов. Вот фрагмент из письма Козачинского Петрову от 6 марта 1939 года:

«Дорогой Женя!

Прочел хвалебную статью Германа (*рецензия Юрия Германа на повесть опубликована в 12 номере журнала «Звезда» за 1940 год – прим. автора*). С непривычки событие это показалось мне весьма значительным. Вот я не знаю только: если писатель пишет, что “повесть написана превосходно”, что “всё в ней, как в подлинном художественном произведении – открытие” и т.д. и т.п. – то значит ли это, что он в самом деле убеждён в том, что повесть “превосходна”, что “всё в ней – открытие” и т.д. и т.п.? Или писатель выполняет только задание редакции? Ответь мне на этот, продиктованный честолюбием вопрос». Помимо Германа, основные хвалебные рецензии на повесть написали Е. Рагозин («Литературное обозрение», 1939, № 7) и М. Цейтлин («Молодая гвардия», 1939, № 4).

Вдохновлённый успехом, Александр Козачинский продолжает писать, насколько этого позволяют силы. В 15-м номере альманаха «Год XXII» за 1939 год опубликован его водевиль «Могучее средство», а в 1940 году выходит первая книга Козачинского, в которую были включены два рассказа «бывалого лётчика», «Зелёный фургон» и новый рассказ «Фоня», написанный в январе того же года.

Евгений Петров настойчиво приглашал Козачинского писать для «Литературной газеты», но тот был уже слишком болен. Прогрессирующий туберкулёз вынуждал проводить всё больше и больше времени на лечении и в санаториях. Вот фрагмент из письма Козачинского к Петрову от шестого марта 1939 года (Козачинский тогда лечился в Ялте):

«Положение мое, Женя, такое. Каждый туберкулёз имеет свое начало и свой конец. Было бы нелепо закрывать глаза на факты. Несмотря на сдержанность моего врага, я отдаю себе отчёт в том, что шансов с каждым днем у меня остаётся все меньше. Год для прогрессирующего туберкулеза последней стадии – очень большой срок, а я уже болен скоро год. Уже третий месяц я лежу в постели. Если даже мне удастся устроиться в Долоссы, даже если Лёва вырвет для меня эту записку насчет отдельной палаты (у них есть 4-5 таких палат, предоставляемых по благу), то и это для меня лишь вынужденный вариант.

Я иду в туберкулезный санаторий только потому, что некуда больше деваться. Ни один врач не советует больному идти в тубсанаторий, если у него есть какая-н.б. другая возможность».

В начале июня 1941 года Литфонд СССР эвакуирует тяжело больного Козачинского вместе с матерью в Новосибирск. «Прошу помочь прописаться устроиться приехавшему Новосибирск тяжело больному писателю члену ССП Александру Козачинскому», - телеграфирует в Новосибирское отделение Союза писателей Александр Фадеев.

В Москве от него ждут новых материалов. «Каковы ваши литературные планы? Над чем Вы сейчас работаете? Как Ваше здоровье? Мы ждём Ваших очерков и новелл о героической работе в тылу. Надеемся, что Ваше пребывание в Сибири обогатило Вас наблюдениями. Охотно свяжем Вас с редакциями журналов, с радиовещанием, с литературным отделом Совинформбюро», - пишут ему в августе 1942 года коллективное письмо члены Прессбюро ССП СССР А. Фадеев, Ф. Гладков, А. Лейтес и О. Леонидов.

Увы, работать уже не представлялось возможным. Александр Козачинский умер от туберкулёза в Новосибирске 8 января 1943 года. Ему было всего тридцать девять лет. В газете «Советская Сибирь» были опубликованы некрологи Союза советских писателей и Исполнительного комитета новосибирского городского совета депутатов трудящихся, которые выразили соболезнования матери писателя, Клавдии Константиновне Козачинской. В другом некрологе, подписанном группой товарищей, были такие слова: «Как человек, Александр Владимирович Козачинский был одарён необычайным, редким обаянием. Его любили все, – любили за умный, живой разговор, за ласковое тепло, за прозрачную чистоту, прямоту и честность».

Известно, что до середины 1960-х годов Клавдия Константиновна жила в Новосибирске и навещала могилу сына. Сегодня Михаил Пойзнер, член Всемирного клуба одесситов, в чьей коллекции находится архив Александра Козачинского, в том числе рукописи «Зелёного фургона», занимается поиском места захоронения писателя.

1 апреля 2003 года в знаменитом «Саду скульптур» Одесского литературного музея была установлена скульптура «Зелёный фургон» работы одесского скульптора Александра Токарева. А 4 апреля 2014 года на доме номер 1 по улице Базарной в Одессе, в котором Александр Владимирович Козачинский жил в 1910-20-х годах, была установлена мемориальная доска писателю.

Сразу после опубликования «Зелёный фургон» зажил своей собственной жизнью. Первыми тремя прижизненными публикациями дело, разумеется, не ограничилось. Повесть переиздавали и продолжают переиздавать. К счастью, в книжных изданиях были восполнены существенные сокращения, которым подверглась повесть при первой публикации в альманахе «Год XXII» и о которых сетовал Козачинский в одном из своих писем Евгению Петрову.

Повесть была экранизирована дважды, и оба раза – на Одесской киностудии. В первый раз – в 1959 году, режиссёром выступил Генрих Габай, а главную роль сыграл Владимир Колокольников. После отъезда Генриха Габая в 1972 году в Израиль его фильмы перестали показывать, считалось даже, что «Зелёный фургон» смыт с плёнок. К счастью, это не так.

Второй, двухсерийный, фильм с Дмитрием Харатьяном в главной роли был снят в 1983 году. Съёмки проходили в Одессе и Севериновке. С этим фильмом связана интересная история. Его очень хотел снять Владимир Высоцкий – и сыграть в нём роль Красавчика. Ещё в 1971 году Высоцкий сыграл Красавчика в радиоспектакле «Зелёный фургон». Когда в 1978 году киносценарист Игорь Шевцов задумал написать сценарий телефильма по повести Козачинского, в качестве режиссёра он видел Николая Рашеева, снявшего к тому времени знаменитый «Бумбараш». Рашеев решил снимать мюзикл и предложил роль Красавчика Владимиру Высоцкому, но тот был в это время занят. Тогда Шевцов попросил Высоцкого написать для будущего фильма несколько песен – в результате Высоцкий не только согласился написать песни, но и захотел стать режиссёром-постановщиком фильма. Вскоре директор Одесской киностудии Г. Збандут телеграммой подтвердил, что Высоцкий утверждён режиссёром телефильма «Зелёный фургон», и тот сразу дал своё согласие. Началась совместная с Шевцовым работа над сценарием – несколько месяцев в конце 1979 и начале 1980 годов. Сценарий был переписан полностью, и Шевцов отдал его на утверждение в творческое объединение «Экран».

К сожалению, планам не дано было осуществиться – в июле 1980-го Владимир Высоцкий умер. Игорь Шевцов вновь переделал сценарий, и в 1983 году по нему режиссёром Александром Павловским был снят ставший знаменитым фильм.

Чем же так полюбилась повесть читателям и зрителям? Безусловно, своей увлекательностью, выразительностью языка, юмором, юношеским задором, сквозящим

в каждой строчке. А ещё – точным воссозданием духа времени и образа места, где происходит действие. Одесса и одесская степь являются одними из главных героев повести – и так, как описал их Александр Козачинский, их мог описать только горячо и искренне любящий человек.

Буквально в нескольких фразах сумел Козачинский описать сам дух многонациональной Одесщины, да так точно, что дух (простите за тавтологию) захватывает:

«В Одесском уезде жили бок о бок украинцы, молдаване, немцы, болгары, евреи, великороссы, греки, эстонцы, арнауты, караимы. Старообрядцы, субботники, молокане, баптисты, католики, лютеране, православные. Жили обособленно, отдельными селами, хуторами, колониями, не смешиваясь друг с другом, сохраняя родной язык, уклад, обычаи.

Немцы жили, как полтора столетия назад их прадеды жили в Эльзасе и Лотарингии, - в каменных домах с островерхими кровлями, крытыми разноцветной черепицей. Дома, мебель, повозки, платья, посуда, вилы и грабли, кухонные плиты, молитвенники - всё это было точь-в-точь таким, как в Эльзасе.

Колонии назывались Страсбург, Мангейм - как города на Рейне. Немцы были разные. Были немцы с французскими фамилиями - онемеченные эльзасские французы, с заметным украинским налётом, и были немцы с немецкими фамилиями. Были немцы богачи и бедняки, немцы-католики и немцы-лютеране, немцы, говорящие на гохдойч, и немцы, говорящие на платдойч, плохо понимающие и не любящие друг друга. Кроме немецкого, колонисты знали немножко украинский. "Мы нимци", - говорили они о себе.

Молдаване на Одесщине жили точно так, как их предки в дунайских княжествах двести - триста лет тому назад; ели мамалыгу с кислыми огурцами и мёдом, сами ткали полотно и шерсть и не понимали по-русски. Французы ухаживали за своими виноградниками, как где-нибудь в Провансе.

Рядом с огромными нищими сёлами стояли немецкие хутора, где каждый из тридцати хозяев носил фамилию Келлер или Шумахер, имел от тысячи до полутора тысяч десятин тяжелой чернозёмной земли и полсотни заводских лошадей. Были села, где жили сплошь хлебопашцы, и были села, где жили виноделы, огородники, гончары,

шорники, брынзолы, рыбаки, столяры, шинкари и даже сёла, где жили одни только музыканты, разъезжавшие по свадьбам и крестинам».

А ведь кое-что из этого сохранилось до сих пор...

И это так свойственное Одессе двуязычие (хотя, пожалуй, многоязычие):

«Що вы тут шукаете, товарищ начальник? Це ж одно смиття! - сказал он по-украински. Со всеми Грищенко разговаривал по-русски, а с Володиёй почему-то только по-украински. - Чи, може, вы шукаете тут вещественные доказательства? - добавил он».

Очарование повести – в насыщенности её реальными названиями и событиями. Названия родных улиц ласкают слух одесситам и тем, кто побывал в ней хоть единожды. А кажущиеся невероятными события удивляют и восхищают, мне кажется, всех. Ведь такое могло произойти только в Одессе:

«Три с лишним года Одессу окружала линия фронта. Фронт стал географическим понятием. <...> Война вливалась в русла улиц. Каждая улица имела свое стратегическое лицо.

Улицы давали названия битвам. Были улицы мирной жизни, улицы мелких стычек и улицы больших сражений - улицы-ветераны. Наступать от вокзала к думе было принято по Пушкинской, между тем как параллельная ей Ришельевская пустовала. По Пушкинской же было принято отступать от думы к вокзалу. Никто не воевал на тихой Ремесленной, а на соседней Канатной не оставалось ни одной непростреленной афишной тумбы. Карантинная не видела боев - она видела только бегство. Это была улица эвакуации, панического бега к морю, к трапам отходящих судов.

У вокзала и вокзального скверика война принимала неизменно позиционный характер. Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы поспешно втаскивали под

крышу вокзала новый механизм и новый циферблат. Много циферблатов сменилось на фронтоне одесского вокзала в те дни.

Так три с лишним года жила Одесса. Пока большевики были за линией фронта, пока они пробивались к Одессе, городом владели армии австро-германские, армии держав Антанты, белые армии Деникина, жовтоблакитная армия Петлюры и Скоропадского, зелёная армия Григорьева, воровская армия Мишки Япончика.

Одесситы расходились в определении числа властей, побывавших в городе за три года. Одни считали Мишку Япончика, польских легионеров, атамана Григорьева и галичан за отдельную власть, другие - нет. Кроме того, бывали периоды, когда в Одессе было по две власти одновременно, и это тоже путало счёт».

А вот знаменитый фрагмент, так запомнившийся многим во второй экранизации повести:

«Половиной города владело войско украинской директории и половиной - Добровольческая армия генерала Деникина. Границей добровольческой зоны была Ланжероновская улица, границей петлюровской - параллельная ей Дерибасовская. Рубежи враждующих государственных образований были обозначены шпагатом, протянутым поперек улиц. Квартал между Ланжероновской и Дерибасовской, живший меж двух натянутых шпагатов, назывался нейтральной зоной и не имел государственного строя.

За верёвочками стояли пулеметы и трехдюймовки, направленные друг на друга прямой наводкой.

Чтобы перейти из зоны в зону, одесситы, продолжавшие жить мирной гражданской жизнью, задирали ноги и переступали через веревочки, стараясь лишь не попадать под дула орудий, которые могли начать стрелять в любую минуту».

Чего стоят эти строки:

«Но утро есть утро, и город есть город. И как ни скуден был пейзаж просыпающейся Одессы, в нём были свои характерные черты. Заканчивая свои ночные труды, молодые одесситы спиливали росшие вдоль тротуаров толстые акации. Они занимались этим по ночам не столько из страха ответственности, сколько из чувства

приличия и почтения к родному городу. Когда любимые дети обкрадывают родителей, они боятся не уголовного наказания, а общественного мнения».

Чувство приличия и почтения к родному городу... А ещё, конечно, «собственная гордость», столь присущая одесситам и относящаяся даже к тому, чем гордиться, казалось бы, невозможно:

«Одесситы, гордившиеся всем, что имело отношение к их городу, переносили это чувство даже на голод, который их истреблял, утверждая, что подобного голода не знала ни одна губерния в России, за исключением Поволжья».

Елена Каракина в своей книге «По следам Юго-Запада» написала замечательные строки:

«Тоска по утраченному городу, как тоска по утраченному раю, действительно может стать импульсом к творчеству. Так случилось с Юрием Олешей и с Валентином Катаевым. И с Багрицким, когда он писал свою последнюю поэму “Февраль”».

Тоска и любовь к утраченному городу... Ими пронизаны и «Грава забвения», и «Время больших ожиданий», и, конечно, «Зелёный фургон».

Помните у Козачинского:

«Но уже давно не летал футбольный мяч над "Чёрным морем" и примыкающим к нему "Азовским". Обезлюдело славное племя черноморцев, и некому было вспоминать о боях с командами английских пароходов. Раньше, когда старшие черноморцы уходили учиться в мореходку или поступали в торговый флот, их места в команде занимали молодые черноморцы, их младшие братья, ребята с Ланжерона, из старой таможни и портовых улиц, такие же загорелые и веснушчатые, такие же свирепые в нападении, защите и полужащите. Поколение футболистов становилось моряками, но за ними уже шло новое поколение футболистов, тоже будущих моряков.

Война разбросала черноморцев, уничтожила футбол, мореходку и торговый флот. Опустело "Чёрное море". Засохшая грязь на дне его потрескалась и покрылась чешуйками, как кожа на руке старика».

Футбол занимает в «Зелёном фургоне» особое место. Это неудивительно – именно в Одессе появился первый в Российской империи футбольный клуб. В 1878

году англичане, жившие в Одессе, организовали «Одесское Британское Атлетическое Общества» (ОБАО). Атлеты играли в крикет и теннис, но была в рамках Общества и футбольная секция. В 1907 году по инициативе Генерального консула Великобритании в Одессе и по совместительству азартного футболиста был основан легендарный ОБАК – «Одесский британский атлетический клуб». Первое время членами клуба были только британско-подданные и граждане США, но вскоре туда стали принимать и граждан других стран. Например, великий лётчик Сергей Уточкин, который был и прекрасным футболистом, тоже играл за ОБАК.

Стадион ОБАКа находился вблизи нынешнего Французского бульвара, сейчас на его месте - корпус Биологического факультета Одесского Национального университета. Стадион был лучшим в Одессе – именно он был выбран для проведения финала Чемпионата Российской империи в 1913 году.

Футбол в Одессе развивался стремительно, а увлечение им среди гимназистов и молодых людей было всепоглощающим. В 1911 году была учреждена Одесская футбольная лига, просуществовавшая до 1919 года. Её организаторами стали сильнейшие одесские футбольные клубы: ОБАК, «О.К.Ф. Одесса», «Спортинг клуб» и «Шереметьевский кружок спорта».

Помимо профессиональных клубов, в городе было множество клубов самодеятельных. Александр Козачинский написал о «черноморцах» (конечно, с изрядной долей преувеличения) – и не случайно, ведь поле, на котором они играли, находилось совсем недалеко от его дома:

«Ваша карточка мне знакома, - сказал парень учтиво, прикасаясь двумя пальцами к кепке. - Не запомню только, из какого она альбома.

- Мы знакомы по Чёрному морю, - ответил Володя.

Они были знакомы не по тому Чёрному морю, которое омывает полуостров Крым, побережье Кавказа, Малую Азию, Болгарию, Румынию и южный край украинской степи, а по тому "Чёрному морю", которое находилось в ста шагах от Маразлиевской, за низеньким, уступчатым заборчиком Александровского парка и представляло собой большую, почти круглую яму с пологими склонами и ровным, сухим дном. "Чёрным морем" с незапамятных времен владела команда футболистов, именовавших себя черноморцами. Как футбольное поле "Чёрное море" было

необыкновенно комфортабельным: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, вылетевший за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельниках и длинных, достигавших колен, старомодных трусиках, которые, впрочем, назывались тогда в Одессе не трусиками, а штанчиками. В своем натиске черноморцы не знали преград. Свирепая слава, добытая ими на заре футбола, в боях с командами английских пароходов, устрашала футболистов других одесских команд. Никто из цивилизованных футболистов Одессы не решался ставить на карту спортивное счастье, здоровье, а может быть, и жизнь, защищая свои ворота против черноморцев. Поэтому с той поры, как в одесский порт перестали заходить английские пароходы, черноморцы играли главным образом друг с другом.

Володя был из "Азовского моря". Рядом с "Чёрным морем" была яма поменьше, которую одесские мальчики называли "Азовским морем". Здесь тренировалась команда гимназистов. Как это ни странно, черноморцы иногда приглашали на товарищеский матч команду из соседнего "моря" и гимназисты принимали вызов. Это была игра львов с котятами. Если гимназистам не откусывали в игре ни ног, ни голов, то они были обязаны этим той деликатности, которая присуща сильному в обращении со слабым и беспомощным».

То самое «Чёрное море» располагалось когда-то на месте нынешнего Зелёного театра в нынешнем парке имени Шевченко – тогдашнем Александровском. А историю его рассказал Валентин Катаев в воспоминаниях об Эдуарде Багрицком (рассказ «Встреча»):

«Отцы города с педагогической целью ознакомить население с отечественной географией придумали соорудить небольшой пруд в форме Чёрного моря. В точном соответствии с картой выкопали калошеобразную яму... Хрупкий бюджет муниципалитета... не выдержал дальнейших трат. Чёрное море так и осталось на вечные времена необлицованным и сухим...».

Именно команда Одессы стала победителем второго чемпионата Российской империи по футболу 1913 года – в полуфинале одесситы разгромили харьковчан, а в финале, который состоялся на поле ОБАК в Одессе, обыграли команду Санкт-

Петербурга. В первом чемпионате одесситы не принимали участие – а если бы приняли, непременно бы выиграли и его.

Героями того финального матча стали Богемский и Джекобс. Это был тот самый Богемский, о котором писал Александр Козачинский (помните знаменитую встречу Володи Патрикеева с Красавчиком по пути на Балковскую?):

«На Московской улице они заговорили о том, как мотается знаменитый форвард Богемский, и здесь в их взглядах неожиданно обнаружили столь крупные расхождения, что, при всей снисходительности друг к другу, они вступили в серьёзный спор. Желание доказать свою правоту настолько овладело ими, что они решили наглядно продемонстрировать приём, послуживший причиной спора, и для этого, отыскав подходящий камешек, остановились на перекрестке, отошли на край тротуара, положили камешек на землю, и попрыгали вокруг него, воспроизводя приемы Богемского так, как их понимал каждый».

И если бы только Козачинский... О Богемском писали, кажется, все авторы «Юго-Запада». Например, Валентин Катаев в повести «Алмазный мой венец»:

«Впрочем, нельзя сказать, что это был ничем не замечательный матч: в нем принимал участие тощий, золотушного вида ришельевец в пенсне на маленьком носике, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь – “нападающий века”, “суперстар” мирового футбола, Богемский. Но тогда он был лишь старшекласником и, надо сказать, прескверным учеником с порочной улыбочкой на малокровном лице. Его имя до сих пор легенда футбола».

Но, пожалуй, лучше всех описал одесский футбол Юрий Олеша, сам игравший нападающим в команде Ришельевской гимназии. Фрагменты из «Книги прощания», в которой описан недавно родившийся одесский футбол, хочется перечитывать вновь и вновь:

«Могу сказать, что я видел зарю футбола. <...> Мы шли на поле Спортинг-клуба, чтобы посмотреть на очередной матч. ... Футбол только начинался. Считалось, что это детская забава. Взрослые не посещали матчей. Только изредка можно было увидеть какого-нибудь господина с зонтиком, и без того уже известного всему городу оригинала. Трибун не было. Какие там трибуны! Само поле не было оборудованным, могло оказаться горбатым, проросшим среди травы полевыми цветами. По бокам

стояли скамьи без спинок, просто обыкновенные деревянные плоские скамьи. Большинство зрителей стояли или, особенно по ту сторону ворот, сидели. И что за зрители! Повторяю, мальчики, подростки. Тем не менее команды выступали в цветах своих клубов, тем не менее разыгрывался календарь игр, тем не менее выпускались иногда даже афиши.

<...> Я ни на что не хочу жаловаться! Я хочу только вспомнить, как стоял Гриша Богемский в белой одежде «Спортинга» (*одесский футбольный клуб, капитаном которого был Богемский – прим. автора*)... Самое удивительное - это всегда меня удивляет, когда я вижу Богемского или о нем думаю, - это то, что он не смуглый, не твердолицый, а, наоборот, скорее рыхловатой наружности, во всяком случае, он розовый, с кольцами желтоватых волос на лбу, с трудно замечаемыми глазами. Иногда на них даже блестят два кружочка пенсне! И подумать только: этот человек с неспортсменской наружностью - такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он ещё на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой. И не только в Одессе - в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, бег, во-вторых, удар, в-третьих, умение водить. ... Лучшее всех водил Богемский! Не то что лучше всех, а это был выход поистине чемпиона!»

Как интересно перекликаются тексты Олеши и Козачинского... «Он не смуглый, не твердолицый...». Совсем не такой, каким Козачинский описывает Красавчика:

«Его бронзовая твердая скула показалась Володе знакомой».

Удивительно.

Юрий Олеша и сам чуть не стал футболистом:

«Во время Олимпийских игр Одесского учебного округа состоялся также и финальный матч на первенство футбольных гимназических команд, в котором принял участие и я, как один из одиннадцати вышедших в финал одесской Ришельевской гимназии. Я играл крайнего правого. Я загнал гол - один из шести, вбитых нами одесской 4-й гимназией, также вышедшей в финал.

После матча меня качали выбежавшие на поле гимназисты разных гимназий. Как видно, моя игра понравилась зрителям. <...> Однако инспектор учебного округа

Марданов, царской красоты армянин из воска и чёрной пакли, обратил внимание на то, что этот маленький футболист, то есть я, несколько бледен. Не вредно ли для здоровья играть ему в футбол?

Через несколько дней в грелке на футбольной площадке меня выслушивал врач. Он сказал, что у меня невроз сердца и играть в футбол нельзя. <...> Это Марданов сыграл в моей жизни роковую роль, так как из-за него я почувствовал впервые, что есть невозможность, запрет. ... Как много было впереди - даже та сцена, когда... Мало ли какая сцена была впереди!».

Впереди у Юрия Олеши была карьера и судьба писателя – так же, как у Александра Козачинского, бывшего футбольной звездой и в гимназии, и в ДОПрЕ. Так же, как у Эдуарда Багрицкого, днями пропадавшего на стадионе и написавшего даже когда-то «Гимн черноморцев». Так же, как у Валентина Катаева, безуспешно, но страстно пытавшегося стать крайним хавбеком. Так же, как у Ильи Ильфа и Евгения Петрова, ставших авторами великолепных публикаций о футболистах и о футболе.

Наверное, такое могло случиться только в Одессе. В городе, расположенном среди солнечных степей, омываемых морем. В городе, чья литературная школа учила отвечать добрым юмором на тяготы и невзгоды. Юмором, который согревает и даёт надежду.

Может быть, действительно для того, чтобы родиться в Одессе, нужно быть писателем?